

Д. БИКЕРТОН

Поющие обезьяны?

Глава из книги «Язык Адама»¹. Критически обсуждается гипотеза так называемого музыкального протоязыка, согласно которой язык развился из пения. Автор демонстрирует нелепость ряда «теоретических» построений, задача которых состоит в том, чтобы доказать прямую преемственность между сигнальными системами животных и языком человека

Важно быть приматами

К концу XIX века каждый, кто не был ослеплен религиозными догмами, знал, что человек отнюдь не является специально созданным продуктом некоего назойливого божества, но членом семьи приматов, который мог произойти от предка, напоминающего шимпанзе. Полное значение этих открытий не могло быть понято, пока в 1954 году не была открыта двойная спираль ДНК, положившая начало веку генов.

Открытие следовало за открытием, и генетика начала доминировать среди наук о жизни. Детерминизм Ричарда Докинза, изложенный в его книге «Эгоистичный ген» (Dawkins, 1976), получил весьма широкое распространение, тогда как влиянию среды стали отводить совершенно второстепенную роль. Росло всеобщее убеждение в том, что гены до сих пор являлись самой значимой движущей силой в эволюции. Когда стало ясно, насколько сходны между собой геномы человека и человекообразных приматов, все больше людей начали признавать, что огромная часть характерных черт и форм поведения, которые считают типично человеческими (во многих случаях — исключительно человеческими), была не более чем развитием признаков и поведения, имеющих у обезьян. Такая точка зрения была зафиксирована в названиях популярных книг об эволюции человека: «Голая обезьяна» (Mortis, 1999), «Третий шимпанзе» (de Waal, 1992) и, конечно же, «Обезьяна, которая говорила» (McStone, 1992) и «Говорящая обезьяна» (Burling, 2005).

Здесь лежат корни того, что Айрин Пепперберг назвала «приматоцентризмом» в исследованиях по эволюции языка. Кажется само собой разумеющимся, что если бы человек на самом деле был не более чем говорящей обезьяной, то истоки языка или, по крайней мере, его непосредственные предшественники должны были быть найдены и у шимпанзе, горилл и орангутанов. Это убеждение подтверждалось и начатыми в 1960-х годах попытками по обучению этих обезьян некоторым формам языка. Несмотря на то, что большинству лингвистов результаты этих экспериментов представляются по меньшей мере сомнительными, гипотеза, выдвинутая исследователями «языка обезьян», нашла большое число поклонников в других науках о поведении и за последние несколько десятилетий укрепилась, благодаря исследованиям на еще одном человекообразном примате — бонобо, или карликовом шимпанзе.

Конечно, наиболее простой и прямой путь развития языка выглядел бы примерно так. Пять-семь миллионов лет назад основная линия эволюции приматов (которая уже успела разветвиться и породить орангутанов, а затем и горилл) снова разделилась. Одна ветвь

¹ См. раздел «Новые публикации».

дала начало бонобо и шимпанзе, другая — нашим с вами предкам. Эти предки, которых глобальная засуха погнала прочь из лесов в долины и степи, были вынуждены сделать мясо существенной частью своего рациона. Питательная мясная пища способствовала увеличению их мозга и, следовательно, увеличению интеллекта. Интеллект был также улучшен благодаря фактору, общему для шимпанзе и бонобо, — конкуренции с другими видами. В группировках человекообразных обезьян слагающие их особи всегда пытались превзойти друг друга, чтобы повысить свой статус в группе, получить доступ к лучшим возможностям для спаривания, преимущество при разделе пищи. Этот фактор способствовал отбору особей с высоким интеллектом, который увеличивался благодаря мясной пище, что выливалось в своего рода спираль развития. Старые системы коммуникации животных (СКЖ) которыми располагали человекообразные, попав в эту спираль, расширились и модифицировались. В определенный момент, который нам трудно точно обозначить, СКЖ плавно преобразовалась в язык. Язык делал жизнь более сложной и, в свою очередь, усложнялся сам для преодоления этих трудностей, и так — до тех пор, пока в итоге мы не добрались до нынешнего положения дел.

Сомнение в том, что основания нашего языка лежат в поведении обезьян, стало в определенных кругах расцениваться как ересь, достаточная для объявления сомневающегося латентным креационистом. То, что такая конвенциональная истина приобрела статус догмы, которую необходимо принимать на веру, невзирая на отсутствие доказательств, — даже если имеющиеся данные указывают в противоположном направлении, — становится ясно из слов Стивена Митена. В своей недавно изданной книге об эволюции языка он писал: «И все-таки истоки человеческого языка и музыки *должны быть найдены* в репертуаре именно этих видов африканских человекообразных обезьян, а не прочих гиббонов или марьшпек. *Кажущаяся на первый взгляд* большая сложность криков последних должна быть иллюзией, просто-напросто отражающей наше ограниченное понимание сигналов человекообразных» (Mithen, 2005; *курсив Бикертон*). Заметьте, что, помимо демонстрации твердой веры в конвенциональную истину, эта фраза неизбежно предполагает наличие того, о чем я упоминал в предыдущей главе: именно, человекоцентризма.

Я подозреваю, что многие, готовые подписаться под конвенциональной мудростью, не осознают, что они человекоцентристы. Вероятнее всего, они с негодованием отрицали бы это, указывая, что вместо возведения на пьедестал человека они подчеркивают имеющееся у нас сходство с обезьянами. Может быть, и так, но если вы рассматриваете человекообразных обезьян как просто чуть менее сложно устроенные подобия нас с вами, вы неявно подразумеваете, что они всего лишь грубые отражения человека — находящиеся «в тени человека», что метко отражено в названии одной из книг (Goodall, van Lawick. 2000). Они достойны нашего внимания только потому, что мы можем найти у них предвестники типично человеческих черт — они «почти как люди».

А что касается языка, то здесь можно обнаружить нечто вроде старой доброй «лестницы природы» (*scala naturae*), о которой говорили в додарвиновскую эпоху, лестницы, поднимающейся через все более совершенные и сложные системы коммуникации. В конечном итоге у наших ближайших родичей должно было обнаружиться нечто, нуждающееся лишь в небольших изменениях, чтобы пыльным цветом расцвел язык или, по меньшей мере, протоязык. Сторонников этого подхода легко привести в замешательство, сказав, что у других видов обезьян найдены формы вокализации, гораздо более похожие на слова, чем все, что удалось обнаружить у шимпанзе и бонобо.

Если СКЖ можно выстроить в лестницу, ведущую к языку, то наиболее близкие к нам виды должны были бы иметь СКЖ, наиболее похожую на язык. Но у них ничего тако-

го нет, и причина в том, что СКЖ нельзя рассматривать в качестве несостоявшейся попытки создания языка. Эти системы — отнюдь не грубые и неудачные потуги сделать то, что делаем мы. Это инструменты, сформировавшиеся для того, чтобы служить приспособительным целям тех видов, которым они свойственны. Каждый вид получает ровно то, что ему необходимо, и не больше, и позже в этой книге мы на примерах убедимся в том, почему СКЖ человекообразных должны быть в определенном смысле как минимум, менее, а не более сложными, чем то, что свойственно прочим видам обезьян.

Сложно быть приматами

Давайте рассмотрим некоторые ошибки, послужившие широкому распространению рассмотренных выше привычных представлений. Во многих их версиях язык возникает благодаря соперничеству особи с другими членами группы — своего рода гоночному соревнованию между все более умными и изошренными протолюдьми. Но такая трактовка не учитывает две существенные вещи. Во-первых, изменения в географическом распространении наших предков, уже более развитых, чем шимпанзе, но все еще не обладавших языком. Во-вторых, все те изменения, которые последовали в типичном поведении человекообразных при распространении существ, о которых идет речь, в этой новой географической среде. Не учитывается и тот факт, что на некотором этапе развития (скорее всего, достаточно давно) у этих наших предков сформировалась кооперация такого уровня и характера, какие были не свойственны никаким другим приматам. Речь не о том, что у людей нет соперничества внутри группы — оно существует, и немаленькое. Но парадоксальное противоречие состоит в том, что люди одновременно обладают высокой способностью к совместной деятельности, к объединению своих усилий для совместных рискованных предприятий, осуществляемых коллективами численностью от двух до многих миллионов индивидов. У обезьян, напротив, наибольшая группа, в которой может возникать совместная деятельность не связанных между собой индивидов, — это диада. Даже в тех случаях, когда взаимоотношения ограничиваются ситуацией «я почешу твою спину, если ты почешешь мою».

Кроме того, связи между языком и интеллектом далеко неоднозначны. На первый взгляд, эта связь языка с мозгом кажется сама собой разумеющейся. Мы умные, и у нас есть язык, а другие животные не такие умные, и у них языка нет. Коль скоро мы обычно считаем язык не более чем средством для выражения наших мыслей, кажется вполне естественным полагать, что язык должен быть следствием мышления, а не наоборот. Для наивных наблюдателей столь же очевидным кажется то, что земля является центром вселенной, а солнце, луна и планеты вращаются вокруг нее.

Что касается мышления, интеллекта и языка, то наши представления о них не слишком далеко ушли от представлений о вселенной тех людей, которые жили, скажем, тысячу лет назад. Однако я бы хотел сейчас обратить ваше внимание на проблему перехода (я имею в виду переход от безъязыкового состояния к тому, что можно было бы с натяжкой назвать начальной стадией языка) и рассмотреть некоторые сложности, возникающие на пути такого перехода, если оставаться на позициях чисто приматоцентричного подхода.

Большинство широко принятых концепций эту проблему обходят, так или иначе, стороной. Там, где необходим точный, детальный, достоверно обоснованный анализ, мы редко получаем что-то большее, нежели обнадеживающее размахивание руками. Но этот переход от состояния, когда язык отсутствует, к некоторому подобию протоязыка — точка, в которой сходятся все пути, ключевой момент в эволюции языка, и вся центральная часть этой книги будет посвящена тому, что, по моему убеждению,

является, согласно имеющемуся на данный момент знанию, наилучшим и, пожалуй, единственно возможным объяснением данного вопроса. Но сначала нам нужно понять, почему не стоит поддерживать точку зрения непосредственного эволюционного движения от типичной СКЖ высших приматов к языку.

Нужно начать с простого взгляда на то, с чем нам придется работать. Соответственно, мы рассмотрим СКЖ современных бонобо и шимпанзе, предполагая, что эти системы не деградировали и не ухудшились после того, как эта эволюционная ветвь отделилась от основной линии развития, приведшей к человеку (разумеется, мы не можем знать этого точно, но нет никаких причин предполагать обратное). Так как в первых двух главах я описал, на что должен быть способен самый простейший язык, теперь мы можем оценить, насколько вероятно, что некое расширение или усложнение этих СКЖ могло привести к тому, что можно считать протоязыком.

Исходный материал для языка?

Одну из лучших гипотез последнего времени относительно СКЖ у шимпанзе и бонобо выдвинули Эми Поллик и Франс де Ваал из Национального центра по изучению приматов Р. Йеркса (Pollick, de Waal, 2007). Они составили перечень, включающий в себя 31 жест, 15 вокализаций и 3 варианта мимики. Из этих сигналов три жеста и шесть вокализаций свойственны исключительно шимпанзе, а два других жеста и шесть вокализаций присущи только у бонобо. Используя эти данные, авторы пришли к довольно странному выводу: к поддержке теории о том, что язык человека имел скорее жестовое, нежели вокальное происхождение.

Неожиданность этого вывода состоит в следующем. Общими для двух видов оказываются 84% жестов и только 20% вокализаций. Высокая общность способов жестикуляции говорит о том, что эти телодвижения, скорее всего, у названных видов гомологичны друг другу, то есть непосредственно унаследованы шимпанзе и бонобо от их общего предка, а не представляют собой инновации, развившиеся уже после их разделения. С другой стороны, вокализации, различающиеся у двух видов более существенно, должны были формироваться в основном уже после их разделения. А поскольку язык также есть новообразование и имеет вокальный характер, мы можем ожидать, что проточеловек постепенно перешел от жестикуляции к средствам общения, более тесно связанным с вокализациями.

Впрочем, утверждение, согласно которому язык был основан на жестикуляции, — это не единственное сомнительное положение в построениях Поллик и де Ваала. Они указывают, что жесты более гибки контекстуально, чем вокализации, то есть значения жестов могут изменяться в зависимости от контекста, в котором они используются. К примеру, жест, представляющий собою «легкое прикосновение», может быть приглашением к сексу, если его использует самец в присутствии самки, но также и просьбой накормить, когда его выполняет детеныш по отношению к матери. С другой стороны, особый громкий крик воспроизводится (представителями обоих видов) всегда, когда индивид подвергается угрозе или прямой атаке, и никогда больше. Поэтому исследователи считают, что жесты, как и слова, в отличие от вокализаций, не привязаны к определенным ситуациям и поэтому демонстрируют выход за пределы жестких ограничений СКЖ.

Но вокализации обладают, по крайней мере, постоянными значениями, тогда как жесты не имеют в своих значениях жесткой основы. В отличие от слов, они приобретают смысл исключительно в тех обстоятельствах, в которых используются. К примеру, представьте себе, если сможете, что слово «*moosh*» будет означать «давай займемся сексом», если это мужчина говорит женщине, и «накорми меня», если его произносит младенец, обращаясь к ма-

тери. Жесты отличаются от вокализаций только тем, что они связаны с несколькими ситуациями, а не с одной, и в каждом контексте имеют неодинаковое значение. Природа слов совершенно иная.

Более того, назначения всех этих жестов и вокализаций — все что угодно, но только не то, что требуется от языка. Это не более, чем выплеск эмоций. К примеру, вокализация «вижу еду» редко, если вообще когда-либо, используется, чтобы показать членам группы, где находится еда: ее значение — это «ням-ням!», а не «иди и возьми!». Кроме того, если предупреждающие об опасности крики маргышек могут, в лучшем случае, транслировать конкретную информацию (или могут быть так интерпретированы), то ни один жест или вокализация из репертуаров бонобо или шимпанзе не передают никакой объективной информации об окружающей обстановке.

Таким образом, СКЖ человекообразных более ограничены, чем СКЖ маргышек². Согласно гипотезе-метафоре по поводу «лестницы» ведущей к языку, дело должно обстоять совершенно иначе. Но с той точки зрения, которой придерживаюсь я сам, у каждого вида выработалась такая система сигнализации, которая соответствует его образу жизни.

Маргышкам необходимы предупреждающие сигналы о приближении хищников, поскольку они миниатюрнее, чем человекообразные обезьяны, часто живут в такой местности, где им приходится большую часть времени проводить на земле, и, следовательно, они подвергаются большей опасности, чем шимпанзе или горилла. Соответственно, мелким видам обезьян полезно по-разному реагировать на разные классы хищников (например, нападающие с воздуха или наземных), что приводит к дифференциации тревожных сигналов, часто ошибочно принимаемых за протослова и неверно интерпретируемых в качестве «шагов в направлении к языку».

Человекообразные обезьяны, с другой стороны, животные достаточно крупные и сильные, чтобы противостоять большей части хищников. Поэтому у них не выработались достаточно дифференцированные сигналы предупреждения об опасности: слишком мало опасностей, о которых стоит предупреждать себе подобных.

Факты, подобные этим, как и очевидная уникальность языка, приводят к заключению, что какой бы ни была система, предшествовавшая появлению языка, она сформировалась не у ныне живущих видов, но среди неких предков человека разумного. Они появились уже после отделения ветви, объединяющей шимпанзе и бонобо, от той, что привела к человеку, и давным-давно вымерли. Разумеется, каким бы ни был этот вид, он имел много общего со своими предтечами-обезьянами. Но здесь было немало и существенных различий. В частности, в характере питания и, как следствие, в способах обработки пищи. Помимо этого, взаимоотношения с другими видами могли вызвать значительные изменения в поведении, в том числе и в способах коммуникации, а также в предмете общения.

Но здесь нам следует двигаться вперед с чрезвычайной осторожностью. Мы практически ничего не знаем о том, что происходило непосредственно после разделения двух названных ветвей. Все, с чем мы можем работать, — это редкие и разрозненные фрагменты костей и пара-тройка чрезвычайно примитивных инструментов. Мы вынуждены маневрировать, как гребцы из мифа, между Сциллой — уподоблением этих наших предков современным человекообразным обезьянам — и Харибдой — описанием их на основании интуитивного чувства прекрасного, а не правдоподобия, пользуясь нашей невежественностью, наподобие права печатать деньги.

Среди всех этих теорий происхождения языка, пожалуй, самая привлекательная — это теория о поющих обезьянах.

² О том, что это не так, см. главы 8 и 9 в книге: Панов Е.Н. Парадокс непрерывности: языковой рубикон.

Музыка создала человека?

И музыка, и язык являются универсальными для всех этносов и свойственны только людям. Оба феномена замечательны тем, что их комплексная структура подчиняется определенным правилам и воплощается в потенциально бесконечных композициях. Это отличает их от песен большинства других видов. Что может быть приятнее и логичнее, чем обнаружить, что две эти системы тесно связаны друг с другом и имеют единое происхождение?

Эта гипотеза, интуитивно весьма привлекательная, имеет долгую историю. Идея о тесной связи языка и музыки в их происхождении была высказана еще Руссо и другими философами Просвещения. Дарвин считал, что «нам недалеко до мысли, согласно которой прародители человека, женского или мужского пола, или обоих полов, прежде чем они приобрели способность выражать свою взаимную любовь членораздельной речью, старались пленять друг друга музыкальными голосами и ритмом». Спустя полвека Отто Есперсен писал: «язык родился в те дни, когда люди почувствовали вкус к любви. Первые проявления речи, как мне представляется, были чем-то средним между ночными излияниями кошки на крыше и мелодичной любовной песней соловья» (Jespersen, 1922). Более строго, хотя и не столь поэтично, похожие представления поданы в книге под названием «Поющие неандертальцы», написанной Стивеном Митеном из Университета Ридинга. Заметьте, что связь между сексом и тем, что было названо «музыкаязыком», отраженная в работах Дарвина и Есперсена, хорошо согласуется с точкой зрения, которую поддерживают Митен и Джеффри Миллер (Miller, 2000). Она состоит о том, что язык мог появиться, по крайней мере, частично как форма демонстрации готовности к спариванию.

У этой гипотезы есть слабое место. В самом деле, когда речь идет о наших ближайших родичах из мира обезьян, в их вокализации едва ли удастся найти больше музыки, чем объективной референции. Чтобы найти хоть что-то вроде некоего предшественника музыкаязыка, нам следует вернуться назад по эволюционной шкале к вокализации гиббонов.

Гиббоны — это достаточно далекие родичи человека, они отделились от ствола, общего для нас и человекообразных обезьян, примерно между двенадцатью и двадцатью миллионами лет назад. Гиббоны действительно поют, в этом нет никаких сомнений. Песня может продолжаться до полутора часов — дольше, чем большинство, исполняемых нами. Более того, гиббоны поют дуэтом, в котором партии самца и самки, образующих моногамную пару, различны³. Поэтому было высказано предположение, что какие-то, некогда существовавшие предки человека также могли петь подобным образом. Спустя какое-то время, как полагает Митен, возник музыкаязык. По мнению этого автора, событие произошло не раньше, чем возник современный человек, то есть едва ли больше двухсот тысяч лет назад. Для музыкаязыка Митен придумал название «ХМММП», что означает холистические, манипулятивные, мультимодальные, музыкальные и подражательные высказывания. Затем он распался на две ветви: одна послужила началом музыки, другая — языка.

Наука, имеющая дело с вопросами эволюции, склонна полагаться на всеобъемлющие объяснения. Когда единая общая теория дает объяснения колоссальному множеству разрозненных фактов, она старается уйти от попыток дать свое объяснение для каждого из них. Но в когда речь идет о музыкаязыке, «зонтичная» теория такого типа не работает по целому ряду причин.

Начнем с того, почему поют гиббоны? Авторитетные специалисты по этим обезьянам приписывают их пению несколько основных функций. Одна из них способствует форми-

³ Гиббоны, в отличие от крупных человекообразных обезьян, придерживаются моногамии.

рованию и консолидации брачных пар: длительные и многократные сеансы пения дуэтом способствуют усилению солидарности самца и самки. Возможно, так оно и есть, ведь гиббоны входят в число тех немногих видов млекопитающих (всего лишь 3%), которым свойственна моногамия. Другая функция — это обозначение границ своих владений и предупреждение, адресованное потенциальным нарушителям этих рубежей. Мы знаем, что семейные группы гиббонов делят соответствующий участок тропического леса на четко разграниченные и строго охраняемые территории. Третья функция обеспечивает возможность особей оставаться в постоянной связи друг с другом в таких местах, где кроны деревьев полностью скрывают индивида, находящегося на расстоянии всего лишь нескольких метров.

Но что могло быть функцией пения у пралюдей, которые обитали в предполагаемый период возникновения музыкального языка в обширных безлесных саваннах, более сухих и обладающих большей протяженностью, чем те, что занимают сегодня некоторые районы Восточной Африки?

Песня как способ найти пару — весьма маловероятно. Предки человека, скорее всего, не были моногамными, как не являются таковыми крупные человекообразные обезьяны, да и мы с вами, как бы нам ни хотелось этого. Поэтому кажется сомнительным, что моногамия могла господствовать у гоминид в некий период в прошлом. Но предположим даже, что наши предки проходили через такую стадию. Если самец и самка не скрыты друг от друга деревьями, существует бесконечное множество более эффективных способов привлечь внимание потенциального партнера, чем хором выводить рулады.

Предки человека, по всей вероятности, не были существами территориальными, то есть не делили пространства на небольшие фрагменты со строго определенными границами. Скорее, их группы то объединялись, то распадались, подобно сообществам современных обезьян, то есть их состав постоянно менялся и преобразовывался. На открытых пространствах, где разные группы могут использовать одни и те же уголки в различное время без конфликтов и даже вне контактов друг с другом, какой смысл шумно защищать границы?

Более того, местообитания, в которых жили гиббоны и предки человека, различались настолько, что поддержание контакта друг с другом при помощи звуков было чрезвычайно важно для первых и бессмысленно, даже опасно, для вторых. До относительно недавнего времени человек не жил в лесах, а наши предки потеряли способность жить на деревьях, когда они полностью перешли к прямохождению на двух ногах, что произошло миллионы лет назад. Гиббоны, напротив, всю свою жизнь проводят на деревьях, передвигаясь по ветвям при помощи рук со скоростью и ловкостью, уникальной и в самом деле поразительной для приматов такого размера.

В саванне, где обитало множество крупных хищников, слух которых был гораздо более тонким, чем у наших предков, регулярно распевать песни означало бы подписывать себе смертный приговор. Более того, при отсутствии деревьев на ровной поверхности саванн все движущиеся живые существа прекрасно видны со значительных расстояний. Быть здесь за пределами видимости означало в этих условиях практически всегда быть и за пределами слышимости — а тогда нет никакого смысла истошно кричать в надежде, что ваши друзья вас услышат.

Если наши предки и пели когда-то в далеком прошлом, предположить, что они стали бы продолжать свои вокальные упражнения в подобных условиях было бы равносильно абсурду. Думать так приемлемо, если встать на точку зрения, согласно которой внешняя среда никак не влияет на поведение живых существ. Но поведение и среда — не водонепроницаемые емкости, они тесно связаны, подогнаны друг к другу, как ключ и замок. И такая связь есть именно то, что называется «адаптацией».

Условия жизни в саванне были таковы, что обитавшие там наши предки производили, вероятно, *меньше*, но никак не больше звуков, чем их родичи из числа крупных человекообразных обезьян. Если дело обстояло именно так, происхождение музыки и языка из одного источника весьма маловероятно. Однако случилось так, что терпящей крушение теории музыкального языка недавно был брошен спасательный круг из совершенно иной сферы исследований. Там, как кажется, была решена совершенно иная проблема, но в какой-то степени близкая к той, с которой сталкивается и теория музыкального языка.

То, что удалось выяснить, не предназначалось для поддержки гипотезы о поющих обезьянах, но было активно подхвачено защитниками музыкального языка, такими как Митен. Так или иначе, этот спасательный круг действительно удерживает эти взгляды на плаву в сильно волнующемся море. Посмотрим, о чем же здесь, собственно, идет речь.

Привлекательность холистического подхода

Заметим для начала, что проблема перехода от песен без слов к некоему роду протоязыка создана искусственно. Таковы вообще проблемы, без которых легко обойтись, попросту отказавшись от гипотез, лежащих в их основе, таких, в частности, как гипотеза о поющих обезьянах. Но можно пойти и по другому пути, предположив, что существовал протоязык, который сильно отличается от того, как он виделся большинству ученых ранее.

Когда я впервые начал развивать идею о протоязыке, я предполагал, что он может выглядеть чем-то вроде современного пиджина, но на самой ранней стадии его развития. Он состоял бы из небольшого количества словоподобных единиц. Совершенно не важно, были ли это жесты или речевые высказывания. Скорее всего, могли присутствовать и те, и другие, случайно связанные между собой, если связанные вообще. Не существовало того, что можно назвать грамматической структурой, не было единиц, дополненных указательными жестами, пантомимой и любыми другими средствами, которые могут быть произведены с помощью рук или рта.

Эти словоподобные выражения не были бы, конечно, похожи на слова в их нынешней форме. Начнем с того, что каждое из слов любого современного языка состоит из одного или нескольких высокоспецифичных, но самих по себе бессмысленных звуков, каждый из которых принадлежит набору из тех, которые вообще возможны в соответствующем языке. В разных языках их может быть от одиннадцати до нескольких сотен. В противоположность этому, слова протоязыка, даже если они воспроизводились в виде вокализаций, не могли бы быть разделены на исходные составляющие элементы и, вероятнее всего, звучали бы для нас как бессмысленное мычание или вопли. Но, как и современные слова, каждое имело бы достаточно хорошо определенный круг значений, и эти значения, вместо того чтобы непосредственно описывать текущую ситуацию, скорее относились бы к некоторому относительно стабильному классу объектов или событий, независимо от того, присутствуют ли те в реальном окружении в данный момент.

Принимая такую точку зрения на протоязык, вы уменьшаете количество вопросов, требующих решения для объяснения того, как развился язык, до двух. Нужно объяснить, как возникли слова, и как сформировались грамматическая структура и синтаксис. У вас больше нет вопросов о некой промежуточной стадии между неязыком и языком, такой как стадия пения. А гипотеза о поющих обезьянах ничего не добавляет к решению вопросов о происхождении слов и синтаксиса. Даже если бы вы могли объяснить, как появилось пение, вам все еще нужно ответить на эти два вопроса.

Идея относительно некоего протоязыка, которую я предложил, получила широкое распространение в 1990-е годы, даже несмотря на то, что она не способствовала объяснению даже того, как появились слова. А затем Элисон Рэй из Университета Кардиффа (Уэльс) подкинула еще одну идею, достаточно привлекательную на первый взгляд.

Рэй не подписывалась под гипотезой о поющих обезьянах, но было похоже, что ее идеи смогут решить для сторонников теории пения обезьян проблему перехода от музыки к языку. Кроме того, дело выглядело так, что эта гипотеза будет полезна тем, кто строит математические модели эволюции, а также радикальным приверженцам идеи о единой линии развития от СКЖ к языку. Поэтому у построений Рей с самого начала были большие шансы на успех. Вот что она предложила.

Как я пытался показать ранее, элементы СКЖ являются холистическими, целостными. Их значение соответствует не словам, но целым фразам или предложениям: «Убирайся с моей территории!», «Давай займемся сексом!» или «Внимание, приближается хищник!». Они холистичны в том смысле, что не состоят из дискретных компонент. Более того, количество таких элементов более или менее фиксировано в репертуаре каждого данного вида, и они не вычлняются, но основываются, в определенном смысле, на врожденных программах.

Предположим, что у некоторых видов, оказавшихся предками человека, два последние ограничения сняты. Представим себе также, что эти виды могли добавлять бесконечно много элементов в свои СКЖ, изобретая длинные цепочки холистических единиц. В один прекрасный момент подобного рода холистических сигналов должно было оказаться настолько много, что они начали бы создавать чрезмерно сильную нагрузку на память. В принципе, этому могло воспрепятствовать появление у вида еще одной способности.

Представим себе, что холистические сигналы были фонетически сложными, то есть состояли из большого количества сегментов, которые можно было друг от друга отделить. Два примера гипотетических холистических выражений, которые приводит Рэй, звучали так: «тебима» («*tebima*»), что значило «дай это ей», и «мата-пи» («*matapi*») со значением «поделись этим с ней». Заметим, что Рей не дает ответа на вопрос, зачем могло понадобиться создавать два холистических сигнала, достаточно различных по структуре и значительно перекрывающихся по значению.

Так или иначе, в данном случае каким-то образом оказалось, что в обоих выражениях есть один и тот же слог «*ма*». Перед нами двойное совпадение — в том, что этот слог содержится в обоих высказываниях, и что оба они относятся к некоторому неопределенному реципиенту женского пола. Поразительно, что Рей верит в то, что это обстоятельство было бы замечено какими-то умными гоминидами, так что впоследствии слог «*ма*» начали использовать как сигнал для обозначения индивидов женского пола, дополняя его столь же тщательно подобранными фрагментами, чтобы начать строить комбинации из слов. [Стоит, однако, заметить, что в слог «*ма*», как и в любом другом сегменте какого-либо из этих выражений, нет ничего, что содержало бы значение в самом себе.] Этот пример, по мнению автора гипотезы, показывает, каким образом в протоязыке возникла необходимость связывать отдельные слова в предложения. По этой схеме, вместо того, чтобы начинать со слов и затем строить из них предложения, вы начинаете с предложений (или, скорее, с их семантических эквивалентов), чтобы затем разбить их на отдельные слова.

Эта на редкость хитроумная гипотеза стала охотно использоваться теми, кто пытался найти правдоподобный мостик для перехода от СКЖ к языку. К сожалению, она вызывает массу возражений, самые серьезные из которых я попытаюсь предоставить далее.

Что не так с холистическим протоязыком?

Давайте рассмотрим предположение, совершенно ничем не подкрепленное, что эти холистические высказывания были структурированы таким образом, что вы действительно смогли бы разделить их на сегменты и сказать: «Это — субъединица внутри целой единицы, которая начинается здесь и заканчивается здесь». На самом деле, я сомневаюсь, чтобы существовал такой голосовой сигнал животного, с которым вы смогли бы это проделать, а если бы и смогли, то едва ли нашли бы кого-то еще, кто согласился бы с вами относительно границы субъединицы. Но ради чистоты рассуждения давайте предположим, что это возможно.

Прежде всего, проблема возникла бы в следующем: в то время как слог «ма» может присутствовать в двух холистических сигналах, относящихся к реципиенту женского пола, он также может быть найден и в других сигналах, ничего общего с женским полом не имеющих. Прекрасно, скажут защитники холистической гипотезы, на другие сигналы можно не обращать внимания. Если вы заметили случайное совпадение звуков и значений, для вас теперь важно только оно, а остальные сигналы, в которых присутствует «ма», можно просто игнорировать — отныне «ма» означает «реципиента женского пола», и так тому и быть. Хорошо, будем великодушными и примем также и это рассуждение.

Суть проблемы, как я недавно объяснял Стиву Митену на конференции, заключается в том, что для выделения сегментов из целостного сигнала вам прежде всего необходимо владеть английским языком. Стива это обескуражило, он думал, что я над ним подшучиваю. Возможно, я веду себя так, что провоцирую других, но подшучивать — ни за что.

Видите ли, холистический подход как таковой зависит от предположения, что для каждого холистического сигнала существует один и только один эквивалент в английском языке (или любом другом человеческом языке). Если такового нет, то как вы можете прийти к согласию о том, что на самом деле обозначают все эти части единого сигнала? Вспомним крики, которыми зеленые маргитки предупреждают сородичей о приближении орла. Их можно с одинаковым успехом перевести как минимум тремя разными способами: «Смотрите, приближается орел!», «Опасность с неба!», «Быстрее, найдите ближайший куст и спрячьтесь в нем!». Предположим, что этот сигнал действительно можно разбить на две или более части. Если отбросить фантастическое предположение, что нашим холистическим гоминидам был уже известен эквивалент этого сигнала в английском (или любом другом человеческом) языке, как могли они приписать этим фрагментам определенные значения? И будут ли эти фрагменты означать «орел» и «приближение», или «опасность» и «небо», или же «куст» и «спрятаться»?

Мы не можем даже утверждать, что сигнал, который мы произвольно назвали «предупреждением о приближении орла» или даже «чем-то вроде обозначения орла» обязательно связано с орлами. Элементы СКЖ не предназначены для того, чтобы указывать, обладать референцией, они созданы для побуждения других особей к выполнению определенных действий. Такие элементы *нельзя по-настоящему* перевести на человеческий язык. Мы можем подобрать для них примерное значение или несколько таковых, пользуясь словами нашего языка, но сама идея о том, что в основе и тех и других лежат сходные семантические выражения, просто безосновательна. И это отсутствие общей основы вовсе не случайно.

Наиболее существенная причина того, почему холистический протоязык невозможен, — это то колоссальное заблуждение, на котором основана вся гипотеза Элисон Рэй. Еще раз повторим: суть его в том, что язык и коммуникация животных есть по сути своей вещи одного порядка. Животные изо всех сил боролись за то, чтобы получить язык, но, несчастные глупцы, они просто не были достаточно умны для его создания — а вот мы, напротив, были. Это убеждение, не выраженное явно и, пожалуй, пло-

хо осознаваемое, лежит в основе взглядов многих из тех, кто считает, что он борется с антропоморфными теориями, а на самом деле и сам является безнадежным антропоморфистом. Поэтому данное убеждение должно быть отвергнуто этими людьми, как только они осознают его полную беспочвенность.

Холистический протоязык, даже если бы он и мог существовать, вовсе не был бы настоящим протоязыком. Это была бы в некотором роде чрезвычайно раздутая СКЖ, набор реакций на определенные ситуации, однако, по сравнению с другими СКЖ, она была бы ненормальной, поскольку ситуации, на которые с ее помощью можно было бы реагировать, редко когда способствовали бы увеличению благополучия вида. На самом деле она не была бы жизнеспособной переходной стадией от СКЖ к языку, но уродливым гибридом между тем и другим.

В представлениях о холистическом протоязыке предполагается, что составляющие компоненты СКЖ аналогичны тем, из которых построен язык, с той разницей, что они конечны, а не бесконечны, инстинктивны, а не приобретаются в процессе научения. Стоило бы сделать так, чтобы эти части могли быть дополнены количественно и передаваемы путем обучения, и вы получили бы гигантский скачок по направлению к языку — вот что говорит холистическая гипотеза. Но такого не может случиться, потому что элементы СКЖ и элементы языка совершенно различны по форме, по функции и по всем без исключения прочим своим характеристикам.

Более того, в отличие от некоторого композитного протоязыка, который я предлагал, холистический протоязык не был бы способен выполнять ни одну из базовых функций языка. С его помощью нельзя задавать вопросы или создавать отрицательные предложения. Нельзя поддерживать разговор. Нельзя использовать его для передачи какой бы то ни было новой информации.

Рэй в ответ на предложенный мной протоязык возражала, что он изначально должен был быть очень грубым, чрезвычайно неопределенным и не мог эффективно использоваться для манипуляций людьми. Замечательно, она попала точно в цель: он и не предназначен для манипуляций. Для этого мы уже имели — и имеем по сей день — прекрасно работающие СКЖ. У нас есть крики, плач, слезы, смех, гримасы ярости и игривые улыбки, мы можем показать палец или даже зад, проделать массу других жестов и принять множество поз, чтобы продемонстрировать, что мы чувствуем и какую реакцию на это мы хотим получить от окружающих.

СКЖ — это одно, язык — совсем другое. Если и существует какой-то путь от СКЖ к языку, он не может заключаться просто в «раздувании» СКЖ, пока та практически не лопнет, в надежде на то, что это внутреннее давление видоизменит ее и превратит во что-то совершенно иное. Если бы такой переход когда-либо произошел, это могло случиться только при введении в СКЖ какого-то внешнего фактора, чего-то вроде песчинки, которая, попадая в скромную раковину, становится причиной появления прекрасной жемчужины.

Младенцы нам в помощь?

Гипотеза о поющих обезьянах — не единственная популярная идея, с помощью которой пыталась решить проблему происхождения языка путем преобразования бессмысленного в осмысленное. Еще один вариант предложила Дин Фальк из Университета Флориды. В его основу было положено обсуждение отношений между матерями и их детьми. И снова — это мудреные и кажущиеся правдоподобными построения, которые мгновенно терпят крах при первой попытке найти в них здравый смысл.

Отличия гипотезы Фальк от той, что имеет дело с поющими обезьянам, состоят в следующем. Она основана на рассмотрении процессов, реально имевших место в эволюции и уникальных для рода человеческого. Эти процессы связаны с увеличением нашего мозга.

Обычно млекопитающие рождаются с полностью созревшим мозгом. Любой, кто видел новорожденного теленка или ягненка, неизменно поражался тому, насколько быстро после рождения тот начинает делать доступное человеческому младенцу только в возрасте после года и более, например, ходить самостоятельно. Но полностью развитый и сформировавшийся мозг просто не дал бы новорожденному пройти сквозь родовые пути матери. Поэтому эволюция сделала одолжение матерям, которые вынашивают своих детей отнюдь не до полного созревания мозга и его развития до нужных размеров. Недостатком этого является то, что младенцы совершенно беспомощны в первые несколько месяцев после рождения и требуют практически постоянного внимания матери еще на протяжении нескольких последующих месяцев. Это обстоятельство порождает серьезные проблемы, если матери нужно в этот период еще и добывать пропитание как для младенца, так и для собственного выживания. Если вы сомневаетесь в этом, попробуйте собирать ягоды (или еще хуже, выкапывать корни), одновременно удерживая на руках капризничающее дитя.

Каким же образом мать сможет контролировать происходящее с ребенком? Ей пришлось бы уложить его на землю. Фальк высмеивает предположение, что слинг (перевязь для переноски ребенка на теле матери), был изобретен настолько давно. Она говорит, что если вы в это верите, то идите в лес и попробуйте сделать слинг из подручных материалов. Позднее, когда люди начали охотиться на крупных животных, могли появиться слинги из шкур, но проблема с младенцами, вынужденными ползать без присмотра по земле, появилась задолго до этого. Тогда, в эпоху плейстоцена, было бесчисленное количество опасностей, которым мог подвергнуться младенец при таком положении вещей. Единственное, что могло, по словам Фальк, помочь делу — это некая голосовая коммуникация.

Едва ли кто-то станет спорить с тем, насколько велико значение звуков подбадривания, тех что призван утихомирить младенцев при приближении хищников, криков, предупреждающих об опасности, когда малыш намеревается положить в рот ядовитую ягоду, и так далее. Но почему же все эти звуки должны были развиваться в осмысленные слова? Не были ли звуки благозвучные (для подбадривания) или резкие (для предупреждения об опасности) и поныне остающиеся таковыми, столь же эффективными для достижения этих целей?

Фальк этот вопрос никогда не ставила прямо. Вместо этого, опубликовав свою теорию в журнале «Behavioral and Brain Sciences», она ловко обошла эту проблему. Она пишет: «Как это показано для младенцев в возрасте ближе к концу первого года жизни, у пралюдей просодические (и жестовые) сигналы матерей способствовали детенышам *опознавать значения тех или иных высказываний* и выделять их в потоке речи... С течением времени у гоминид слова возникли из доязыковой мелодии и начали конвенционализироваться» (Falk, 2004; курсив Бикертон).

«Behavioral and Brain Sciences» — это один из тех немногих научных журналов, в которых каждая статья сопровождается комментариями немалого числа ученых, работающих в разных областях науки, затронутых в данной статье, а также ответами ее автора на эти комментарии. В своем комментарии к статье Фальк я отметил фразу, которую только что процитировал, и сказал, что в ней есть практически все, что Фальк следовало сказать о переходе от бессмысленных шумов, призванных контролировать действия младенца, к осмысленному протоязыку, состоящему из слов. Но как же могли младенцы «опознавать значения высказываний» прежде, чем значения этих высказываний были известны самим мате-

рям, произносящим их? И как могли матери выучить эти значения? Ну как же, от своих собственных *матерей*. А как их выучили их матери?

Видите, к чему я клоню? Если мы будем понимать идею Фальк буквально, то язык должен был бы существовать от начала времен. Если же мы не рассматриваем эти построения буквально, то что же тогда автор имел в виду? Что «слова возникли»? Откуда? Каким образом? Просто появились ниоткуда в один прекрасный день?

Высказывания того характера, о которых говорит Фальк, обладают всеми свойствами сигналов СКЖ и ни одним из свойств слов, формирующих язык. Они способствуют выживанию, но не символичны. В них нет и признака перемещаемости. Они бессмысленны вне контекста, в котором произнесены. Нет никакой надежды, что они хоть чуточку приблизят нас к языку.

Отвечая на мой комментарий, Фальк коснулась только двух вопросов, которые я затронул, и ни слова не сказала о переходе к языку. Никогда слова не могли «возникнуть» без какого-то определенного, чрезвычайно специфичного набора обстоятельств, которые подтолкнули бы к возникновению слов, — не из пения обезьян и не из воркования матерей, не из груминга, не из расчленения холистических высказываний, о чем сказано в десятках статей, написанных за многие годы.

Стоп, скажете вы. А как же все наши попытки обучить языку обезьян, сделанные за последние четыре или пять десятков лет? Зачем терять время и гадать, как же появился язык, если в действительности он уже есть у обезьян, или, по крайней мере, их можно ему обучить? Но так называемые «языковые способности обезьян» — это уже другая тема.

Литература

- Burling R. 2005. The talking ape: How language evolved. Oxford: Oxford University Press.
- Dawkins, R. 1976. The selfish gene. Oxford: Oxford University Press.
- de Waal F. 1992. The third chimpanzee. New York: HarperCollins.
- Falk D. 2004. Prelinguistic evolution in early hominids: Whence motherese? Behavioral and Brain Sciences 27: 491–503.
- Goodall J., von Lawick H. 2000. In the shadow of man. New York: Houghton Mifflin.
- Jespersen, Otto. 1922. Language: Its nature, development, and origin. London: Allen and Unwin.
- McCrone J. 1992. The ape that spoke. New York: Avon Books.
- Miller G. F. 2000. The mating mind: How sexual choice shaped the evolution of human nature. London: Heinemann.
- Mithen S. 2005. The singing Neanderthals: The origin of language, music, mind and body. London: Weidenfeld and Nicolson.
- Morris D. 1999. The naked ape. New York: Delta.
- Pollick A.S., de Waal F.B.M. 2007. Ape gestures and language evolution. Proceedings of the National Academy of Sciences 104(19): 8184–8189.
- Wray A. 1998. Protolanguage as a holistic system for social interaction. Language and Communication 18: 47–67.
- Wray A. 2000. Holistic utterances in protolanguage: The link from primates to humans. Pp. 285–302 in: The evolutionary emergence of language: Social function and the origins of linguistic forms (C. Knight, M. Studdert-Kennedy, J. Hurford eds). Cambridge: Cambridge University Press.